

ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА ЧЕРТКОВА

кандидат философских наук, старший научный сотрудник  
Институт философии Российской академии наук  
(Москва, Российская Федерация)  
eleon2005@yandex.ru

**Рец. на кн.: Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / Под ред. Е. О. Труфановой (отв. ред.), Н. Н. Емельяновой, А. Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2022. – 400 с.**

Для цитирования: Чертова Е. Л. Рец. на кн.: Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / Под ред. Е. О. Труфановой (отв. ред.), Н. Н. Емельяновой, А. Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2022. – 400 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 119–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.776

В современном мире на фоне потери интереса к конструированию образа будущего, и тем более к утопическим проектам существенно возрастает интерес к исследованию памяти. Среди множества работ, посвященных феномену памяти, данная книга выделяется точно обозначенным в названии аспектом исследования – взаимодействии индивидуальной и коллективной памяти в цифровую эпоху, в контексте становления цифровой цивилизации и глобализации и вызванных этим трансформаций в жизни человека и общества. Происходящие в наше время изменения настолько глубоки, что все больше оснований говорить о феномене современной антропологической революции как следствии этих изменений. В информационном потоке, захлестывающем сознание современного человека, становится все труднее сохранять целостность и критичность восприятия мира и себя в нем, осознавать свою личностную и социальную идентичность. Этим можно объяснить и рост исследований памяти в современной литературе [2], широко представленной в данной книге.

Монография состоит из пяти глав, содержащих по несколько параграфов, и приложения, представляющего отчет по итогам социологического исследования «Отечественная история в коллективной памяти россиян: межпоколенческий аспект». Значительный интерес вызывает проблематизация понятия «коллективная память», содержание которого не является столь очевидным и привычным, как память индивидуальная. Как проявляется и какими средствами фиксируется и опредмечивается коллективная память? Как взаимодействуют эти два вида памяти? Ключ к пониманию этого взаимодействия предлагается во Введении, и им является понятие идентичности:

«...главной точкой их пересечения становится понятие идентичности – в то время как память лежит в основе личностной идентичности, коллективная память скрепляет идентичности сообществ» [1: 9].

Для понимания влияния виртуальной реальности на индивидуальную память важно указанное В. А. Лекторским в главе 1 разделение памяти на два подвида: память как следы прошлых событий в виде знаний, умений, навыков, используемых для решения текущих задач, и присущая только человеку память-воспоминание, существующая одновременно и в прошлом, и в настоящем. Первый вид памяти конституирует психику человека, тогда как второй создает основу его личностной самоидентификации в качестве «Я». Коллективная идентичность также невозможна без памяти-знаний (язык, система накопленных знаний и умений, обычаев, норм, правил, процедур и т. д.) и памяти-воспоминаний о пережитых событиях, сохраняющихся в устных рассказах или зафиксированных в текстах, изображениях, памятниках и т. д.

В новой социально-культурной реальности и социальная, и индивидуальная идентичности подвергаются существенным изменениям, порою деструктивным деформациям, и такое различие двух видов памяти помогает лучше понять, как связаны воздействия глобализации и цифровизации с трансформациями индивидуальной и коллективной памяти и, соответственно, индивидуальной и коллективной идентичности, какие опасности существуют для целостности личности и единства общества, для сохранения свободы и суверенитета. Авторы книги показывают различные пути и способы воздействия на индивидуальную и коллективную память, прямые и косвенные вмешательства в мнемоническую информацию и ее внешние носители, чреватые их сознательным или стихийным разрушением.

Вслед за различением индивидуальной и коллективной памяти естественно встает эпистемологический вопрос о способах и методах их исследования, чему посвящена глава 1 (§ 1.2). Насколько правомерно использовать один тер-

мин «память» применительно к таким разным как по составу, так и по генезису феноменам? Опираясь на концепции идеального Э. В. Ильенкова, «пространства смыслов» У. Сэлларса, «третьего мира» К. Поппера, выражающих идею коллективного знания и коллективной памяти в наиболее чистом виде, автор данного параграфа Е. О. Труфанова убедительно показывает, что на более глубинном уровне эти два вида памяти образуют неразрывное единство, что позволяет изучать их на одной методологической основе. В качестве объединяющих понятий при исследовании индивидуальной и коллективной памяти она использует такие понятия, как идентичность и нарратив. Единая методологическая основа создает возможность междисциплинарного исследования индивидуальной и коллективной памяти в эпистемологии, психологии, когнитивных науках и философии сознания, с одной стороны, и комплекса социогуманитарных дисциплин (истории, политологии, социологии, филологии) – с другой. Междисциплинарное взаимодействие обнаруживает свою продуктивность, например, при исследовании кризисов идентичности, что одинаково важно и для человека, и для общества.

Завершается эпистемологический анализ понятий индивидуальной и коллективной памяти анализом проблемы коллективной памяти и телесности (§ 1.4). Р. Ю. Сабанчеев исходит из понимания тела как культурного концепта, «телесной реальности», воплощающей исторически определенный образ человека, и показывает, что коллективная память существует не только в текстах и речевой коммуникации – она реализуется в телесных практиках, зафиксированных в традициях и передающихся посредством подражания, в которых закрепляется идентичность социальных групп, телесного воплощения коллективной памяти.

Философско-эпистемологический анализ проблемы послужил основой для рассмотрения практико-политических аспектов, в том числе политической и исторической памяти. В главе 2 («Коллективная память и история») коллективная идентичность рассматривается в ее связи и взаимодействии с историческим знанием, разбираются механизмы его включения в историческую память. Наиболее явно конфликты памяти проявляются как противостояние разных мировоззренческих ориентаций, поколенческих предпочтений, политических воззрений и т. д. В настоящее время резко обостряются проблемы соотношения памяти и истории, что находит выражение в усилении политики памяти как способе управления коллективной памятью.

История как специализированный способ получения и трансляции знаний о прошлом

по определению призвана постоянно уточнять и углублять эти знания, руководствуясь целями и методами, принятыми в науке. Но поскольку коллективная память включает в себя не только фактические знания, но и их интерпретацию, оценку по степени значимости, осмысление в целостном контексте жизни общества, то уже в сознании историка происходит процесс интеграции нового знания в индивидуальную и коллективную память. Коллективная память более консервативна, медленнее меняется, и исторические знания образуют важную, но все же только часть коллективной памяти. Сам историк является носителем как индивидуальной, так и коллективной памяти, и потому его трактовка исторических событий и фактов неизбежно выражает и его ценности и эмоции, воплощенные и в коллективной памяти, что также служит основой включения исторической памяти в коллективную. Рассматриваются связи истории, памяти и забвения, а также понятие «долга памяти» как выражающего вопрошание о прошлом с позиции настоящего. В «долге памяти» сконцентрированы этические и политические проблемы включения прошлого в коллективную память и гармонизации расхождений, возникающих между историей и коллективной памятью, способных привести к обострению социальных конфликтов. М. М. Федорова, автор первого параграфа данной главы, показывает, что

«история имеет преимущество над коллективной памятью с эпистемологической точки зрения, поскольку результаты исторических исследований обоснованы в соответствии с методологическими стандартами, принятыми в научном сообществе историков <...> В противостоянии памяти и истории история важна именно своей способностью к критической рефлексии, к отказу от абсолютизации, характерной для коллективной памяти» [1: 91].

Исторические исследования формируют более целостные и всесторонние взгляды на известные факты и события, что способствует поиску путей для примирения «войн памяти» и содействует консолидации противостоящих социальных групп. Как совершенно верно заключает во втором параграфе этой главы Е. О. Труфанова, если коллективная память объединяет отдельные социальные группы, то история может консолидировать сообщество более крупного масштаба.

Коллективная память представлена также как неотъемлемая часть памяти политической и культурной, чему посвящена глава 3. В ней рассматриваются вопросы трансформации локальных и национальных идентичностей в глобализирующемся информационном обществе. Доступность различной, нередко противоречивой информации об историческом прошлом с множеством интерпретаций, интенсивная ком-

муникация с представителями иных культур, иных укладов и жизненных принципов разрушают монополию государства на формирование коллективной памяти своих граждан, а значит, и их коллективной идентичности. Процессы переосмысления народами и нациями своего места в историческом процессе приобретают в настоящее время весьма агрессивные формы, направленные на изменение коллективной памяти вплоть до разрушения ее материальных символов ради реконструкции исторического прошлого в целях и интересах настоящего времени.

М. С. Стычинский обращает внимание на роль механизмов забвения и мемориализации в преодолении кризисов коллективной идентичности на уровне национальных государств и межгосударственных отношений и ставит вопрос: не приведет ли процесс глобализации к созданию новой, глобальной идентичности всемирного человечества? И дает вполне определенный ответ:

«...“глобальная идентичность” или идентичность на уровне “человечество” может подлинно оформиться только в условиях наличия чего-то внешнего по отношению к нему, например, угрозы уничтожения всего человечества» [1: 97].

Историческая память наделяется задачами и функциями памяти политической, а прошлое стало серьезным символическим ресурсом. Таким в данное время является у нас память о победе русского народа в Великой Отечественной войне. Политическая память как процесс, основанный на идеологических установках, обеспечивающих легитимацию политического режима, рассматривается в § 3.2 главы 3. М. И. Суханова, автор этого параграфа, показывает, что, когда к истории апеллируют политики, она становится политической памятью, а политика – исторической. Ключевым элементом исторической политики является официальный исторический нарратив – принятая на государственном уровне модель интерпретации истории нации. В качестве инструмента исторической политики рассматривается коммеморация, одной из задач которой является отбор эпизодов прошлого, подлежащих воспоминанию или забвению в целях легитимации политического режима. Важно различение двух типов социальной памяти – коммуникативной и культурной и их роли в сохранении устойчивости политической памяти под влиянием информационного воздействия.

На фоне распространения технократического мировоззрения и узко утилитарного отношения к науке и ученым привлекает внимание предпринятое в § 3.3 главы 3 исследование структуры и смыслов коллективной памяти профессионального дисциплинарного сообщества и их трансформаций в условиях цифровой среды. Рассмотрено взаимодействие надличностного

и межличностного в организации и функционировании коллективной памяти. А. Ф. Яковлева анализирует концепции коллективной памяти в науке и приходит к выводу о содержательной неопределенности этого понятия, когда историческая, коллективная, социальная, культурная памяти используются как синонимы. Она предлагает свое определение памяти научного сообщества:

«...постоянно трансформирующийся образ прошлого научной дисциплины, сформированный с помощью трансляции, в том числе с использованием нарратива, передаваемый от одних членов сообщества другим <...> в контексте межличностных взаимодействий» [1: 167].

Для науки камнем преткновения всегда было сочетание индивидуальной и коллективной памяти и идентичностей, а в современной «большой» науке с ее коллективно-корпоративным типом организации их взаимодействие и определение понимания научного сообщества как субъекта познавательной деятельности значительно усложняются. Специально рассмотрен вопрос трансформации коллективной и индивидуальной памяти научного сообщества под влиянием цифровизации. Одно существенное следствие – усиление горизонтальных связей в науке благодаря online-взаимодействию ученых, что создает возможность превращения науки во всеобщий труд, что еще в XIX веке К. Маркс считал определяющим сущность науки. Показана ключевая роль социально-политического контекста функционирования научного сообщества, являющегося объектом как внутреннего самоопределения, так и внешнего управления и манипуляций. Рассматриваются коммуникативные и культурные слои коллективной памяти в контексте истории научного сообщества, становления и развития современной системы организации науки. Прослеживается неразрывная связь памяти, идентичности и травмы в качестве конституирующих факторов сообщества, роль профессиональных норм, ценностей, моделей поведения и научных идей как основы самоидентификации сообщества ученых. Среди травм, несомненно, выделяется нарушение принципа уважения и доверия к науке и ее субъектам, что влечет разрушительные последствия как для самой науки, так и для общественного доверия к этому институту. Наглядным примером служит предпринятая в 2013 году реформа Академии наук РФ. Автором ставится вопрос и о необходимости методологической проработки подходов к изучению коллективной памяти научного сообщества как мнемоники.

В главе 4 коллективная память, как один из наиболее значимых ресурсов формирования национально-государственной идентичности, рассматривается в перспективе ее использова-



ния государствами в качестве «мягкой силы» в международных отношениях для смягчения последствий явных или скрытых межгосударственных конфликтов. Обозначены основные политико-философские идеи, переосмысливающие силовые практики, лежащие в основе использования коллективной памяти в стратегиях «мягкой силы». Благодаря такой политике в международных отношениях «войны памяти» могут быть вытеснены «играми памяти» или даже «альянсами памяти», апелляцией к совместному историческому опыту, поиском единых культурных и ментальных оснований.

В целях конкретизации темы коллективной памяти в условиях социальной, культурной, ценностной конфликтности в геополитической ситуации современного мира рассматриваются предпосылки и возможности формирования новых интерпретаций национальной истории внерегиональными акторами. Предлагается плюралистическая интерпретация мемориальной культуры, показывается ее немонолитность, борьба различных нарративов и мнемонических акторов, что предполагает необходимость реформирования коллективной памяти на более плюралистической основе, выстраивание общенациональной коллективной памяти как более инклюзивной мемориальной культуры. Не могу не согласиться с выводом Д. Э. Летнякова:

«...общество конституировано как целое не столько одинаковыми ответами людей на базовые вопросы социального бытия, сколько набором самих этих вопросов, содержанием дискуссий, релевантных данному обществу и никакому другому» [1: 199].

Последний параграф главы можно рассматривать как иллюстрацию трудных поисков общей коллективной памяти в исторически нестабильном, культурно и этнически неоднородном регионе Центральной Азии, когда в отсутствие сформированной инклюзивной коллективной памяти главная роль достается «внешним» политическим игрокам (Китаю, Индии, Ирану и Турции), навязывающим свои исторические нарративы.

Глава 5 является логическим завершением книги, закольцовывает общую тему монографии, возвращая нас к вопросу о цифровых трансформациях индивидуальной и коллективной памяти. Главным героем здесь является «цифровое поколение», особенности путей формирования и способов функционирования его исторической памяти; анализируется поколенческий разрыв между «цифровым» и «доцифровым» поколениями (§ 5.1) и трансформация индивидуальной и коллективной памяти в условиях цифровизации (§ 5.2).

Поколенческий подход играет здесь роль не столько маркера, сколько инструмента для обо-

значения основного вектора развития коллективных представлений и воспоминаний, формирующих коллективную память. Если на культурном уровне коллективной памяти новое поколение во многом вбирает в себя воспоминания предыдущих, то на коммуникативном уровне формируются черты, отличающие «цифровое» поколение от предыдущих. М. М. Федорова и А. П. Романова проводят в данном параграфе различие между социологическим и демографическим понятиями поколения (в соответствии с первым поколением возникают в результате качественных, радикальных изменений в обществе) и показывают, что «цифровое» поколение возникло на почве радикальной, революционной смены способов производства, передачи и хранения информации. При этом изменения затронули глубинную личностную структуру, субъективность. Как замечают авторы, изменяется

«место субъекта в социальной жизни. Субъект становится публичным и анонимным одновременно, более того – в общественном мнении он наделяется функциями творца» [1: 222].

Образуется параллельный виртуальный мир со своими виртуальными сообществами, внутри которых формируется своя коллективная память, основанная не только на реальных, но и виртуальных событиях, что ведет к появлению новой виртуальной идентичности. Как отмечают М. М. Федорова и А. П. Романова,

«поколение “цифры”, родившееся в постсоветское время, формально существующее в одном времени и пространстве с предыдущим поколением, формирует свое общекультурное поле на базе новой виртуальной реальности» [1: 223].

В связи с поколенческим подходом и особенностями идентификации «цифрового» поколения представляет интерес вопрос о связи памяти и рефлексии и реставрирующей ностальгии. Ностальгия по советскому, делают важный вывод авторы, обусловлена

«мировоззренческими трансформациями, связанными с социальной неудовлетворенностью текущим положением и угасшей надеждой на быструю реализацию социальных ожиданий еще и потому, что в обществе отсутствуют альтернативные проекты перспектив общественного развития, которые могли бы стать действенной основой консолидации российского общества» [1: 245].

В завершающем главу параграфе основательно рассмотрены проблемы индивидуальной и коллективной памяти и их трансформации в условиях цифровизации, наиболее важные для существования человека. Раскрывая новые возможности, появляющиеся в связи с внедрением в жизнь цифровой памяти, В. А. Лекторский в то же время показывает, как массив записей в цифровой памяти может не помогать,

а мешать осмысленному и самостоятельному принятию решений, ограничивать пространство свободы и творчества. В параграфе обстоятельно разбираются парадоксы памяти и их новое, неожиданное проявление в цифровую эпоху. Прослеживая эти изменения, автор демонстрирует, какие новые проблемы и опасности подстерегают человека с оцифрованной памятью и как другие люди могут использовать ее, как можно, произвольно комбинируя разные следы памяти, манипулировать человеком и разрушать его индивидуальную память и идентичность. Более того, и сам индивид может оказаться в плену своей отчужденной от его личности памяти, оторванной от контекста его живой жизни. В связи с этим особенно важным представляется проделанный В. А. Лекторским сравнительный анализ работы памяти как центра сознания и идентичности, «живой памяти», включенной в процессы истории человека и его текущей деятельности, и оцифрованной, «мертвой» памяти. «Мертвая» память – это знаки, лишенные смысла, способные, однако, реально влиять на «живую» память и основанную на ней идентичность. В. А. Лекторский подчеркивает, что

«необходимой предпосылкой существования индивидуальной и коллективной идентичности <...> является память о неких смыслах и событиях» [1: 268] (ключевым словом является смысл, понимание которого требует учета контекста).

И здесь встает важная для данной книги проблема – долг памяти и право на забвение, решение которой необходимо для сохранения

единства личной и коллективной идентичности. В. А. Лекторский раскрывает неразрывную связь запоминания и забвения, обращает внимание на возникшую в цифровую эпоху опасность «вечной памяти», лишенной забвения, и показывает, сколь серьезную угрозу она несет для человеческой автономии и самой человеческой сущности. Не могу не процитировать заключительные слова книги: «Глобальная цифровизация – это экзистенциальный вызов, взламывание важнейших оснований жизненного мира человека. От ответа на этот вызов зависит его будущее» [1: 271]. Этот главный философский вывод показывает всю актуальность и важность рассматриваемых в книге проблем.

Данное исследование вносит свой вклад и в современную дискуссию о роли технологий в жизни общества, о технологическом «улучшении» человека, о путях рождающейся на наших глазах новой цивилизации, ее невиданных возможностях и серьезных опасностях. Проблема памяти как фундамента индивидуальной и коллективной идентичности представляется в этом контексте важнейшей. Переживаемые памятью трансформации доказывают правоту предостережения Хайдеггера о том, что

«в самом злом плену техники мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу» [3: 221].

Полагаю, что эта книга проливает новый свет на поставленные проблемы.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / Под ред. Е. О. Труфановой (отв. ред.), Н. Н. Емельяновой А. Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2022. 400 с.
2. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: Коллективная монография / Под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб, 2020. 632 с.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993. С. 221–238.

Поступила в редакцию 15.02.2022; принята к публикации 22.04.2022

#### Review

**Elena L. Chertkova**, Cand. Sc. (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)  
eleon2005@yandex.ru

**The book review: Individual and collective memory in the digital age: Collective monograph. (E. O. Trufanova, N. N. Emelyanova, A. F. Yakovleva, Eds.). Moscow, 2022. 400 p.**

For citation: Chertkova, E. L. The book review: Individual and collective memory in the digital age: Collective monograph. (E. O. Trufanova, N. N. Emelyanova, A. F. Yakovleva, Eds.). Moscow, 2022. 400 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):119–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.776

#### REFERENCES

1. Individual and collective memory in the digital age. (E. O. Trufanova, N. N. Emelyanova, A. F. Yakovleva, Eds.). Moscow, 2022. 400 p. (In Russ.)
2. Politics of memory in contemporary Russia and the countries of Eastern Europe. (A. I. Miller, D. V. Efremenko, Eds.). St. Petersburg, 2020. 632 p. (In Russ.)
3. Heidegger, M. The question concerning technology. *Heidegger, M. Being and time*. Moscow, 1993. P. 221–238. (In Russ.)

Received: 15 February, 2022; accepted: 22 April, 2022